

Человек – птица дивная

Легенда, наполненная реализмом и элементами абсурда

Эта легендарная история случилась давненько, ещё на заре воздухоплавания. Тогда неудачные попытки летать самобытных индивидов вызывали и смех, и разочарование. Но чаще всего даже скромная мечта о полётах осуждалась добропорядочными гражданами.

Добропорядочные в далёкие времена опирались на неоспоримую истину: «Рождённый ползать – летать не может». Суть этой народной аксиомы была понятны большинству и применялась почти ко всем аспектам тогдашней нормальной жизни.

Не то что сейчас!

Богуславский мельник, а может и не богуславский, словом, жил-был один молодой человек. Он не выделялся особо среди односельчан, жил деревенскими устоями, как и все. Прилежно работал, правильно отдыхал. Всё как у всех, за исключением одной мелочи: одержим был страстью к неведомому. Тянули его безграничные высоты голубого неба. И чем дальше, тем больше. Соседи стали подозревать недоброе. После работы, а потом и во время неё наблюдал он подолгу за свободным полётом птиц.

Мало того, делился с местными своей заветной мечтой: вознестись над суетой дня. Икарсом парить над землёй. Увидеть жизнь в иной перспективе и обязательно поведать об открытиях широкой общественности.

Мечта завидная! Дай Бог каждому!

Да вот беда. Концепция неизвестного пугала односельчан не на шутку. В планы местных не входило видеть и знать то, к чему они не стремились. А некоторые, кто жизнь свою посвятили тому, чтобы ничего не видеть и никуда не стремиться, лютым врагом смотрели на дивного мельника. И совсем апокалиптический ужас вызвал у жителей села день, когда конструкция с огромными крыльями нависла над зданием мельницы. Летательный аппарат явно напоминал соседского петуха по имени Джордано.

Podle peří poznáš ptáka, podle řeči nezdvořáka

Legenda naplněná realismem a prvky absurdu

Tento legendární příběh se stal dávno, pradávno, ještě na úsvitu vzduchoplavectví. Tehdy neúspěšné pokusy svébytných jedinců o létání vyvolávaly jak smích, tak i rozčarování. Většinou spořádaní občané ale zavrhlí dokonce i skromný sen o létání.

Tito občané se v minulosti opírali o nesporný fakt: „Kdo je zrozen k lezení, nemůže létat.“ Podstatu tohoto lidového axiomu chápala většina lidí a uplatňovala ji ve všech aspektech tehdejšího běžného života.

Ne tak jako dneska!

Bohuslavský mlynář, a možná to ani nemusel být bohuslavský, prostě žil byl jeden mladík. Mezi spolubesničany nijak zvlášť nevyčníval, vedl venkovský způsob života tak jako všichni. Pilně pracoval, náležitě odpočíval. Všechno jako u ostatních, až na jednu malou výjimku: posedla ho vášeň k neznámému. Táhl ho to k nekonečným výšinám modrého nebe. A čím dále, tím více. Sousedé zpozorovali, že to nevěstí nic dobrého. Po práci, a potom i při práci, dlouze zpozoroval volné poletování ptáků.

A aby toho nebylo málo, dělil se s místními o svůj tajný sen: „Povznést se nad denním shonem. Vznášet se jako Ikaros nad zemí. Vidět život z ptačí perspektivy a povědět široké veřejnosti o svých objevech.“

Záviděnlivý sen! Dej Bůh takový každému!

Jenže měl smůlu. Koncepte neznámého spoluobčany dost děsila. Jejich plány nezahrnovaly vidět a znát to, po čem netoužili. A někteří, kteří svůj život zasvětili tomu, aby nic neviděli a po ničem netoužili, se dívali na mlynáře jako na úhlavního nepřítele. A den, kdy se konstrukce s ohromnými křídly vznesla nad budovou mlýna, vyvolal u obyvatel pocit konce světa. Létající aparát očividně připomínal sousedovic kohouta jménem Giordano.

«Изобретатель коротает долгие вечера и воскресное время с петухом!» – так информировали некоторые местные аналитики авторитетную организацию. Тесное общение одинокого гражданина и его взаимопонимание с домашней птицей без официального разрешения возмутило верха. Быстро собрали комиссию Высшей инстанции. В неё вошли: Уважаемый человек без права на лицо, Ответственный координатор истинных заветов на будущее, а также Заслуженный ветеринар.

Пригласили чудака-мельника на собеседование. Слово взял человек без лица. Начал искренне-проникновенно – из-под себя, но не везде. Потом продолжал преувеличенно мудро, лаская слух: «Как живёте? Не в тягость ли работа? «Редкая болезнь зоофилия в роду не встречалась? Орнитоз мучил?» – добавил ветеринар. Координатор предложил открыть душу пока не поздно. Одухотворённый молодец сразу же выложил сокровенное: воспел мечту о вольном, широком небе, об аэродинамике крыла, рассказал о непомерно умном петухе – инспираторе его первого полёта. В протоколе собрания записали: «Излагал мысли поэтически ярко, в стиле позднего Гомера, но не по существу».

«Э... Э... – покачал головой заслуженный лекарь, – да тут диагнозом пахнет». Будущего воздухоплатателя попросили удалиться. Позднее комиссия вынесла решение, разумеется, конфиденциальное. Вердикт гласил: «Лишить одержимого полётами предмета его инспирации». Хозяин Джордано намёк понял. Ломался и торговался недолго – сравнительно.

«Петух и инспирация, – объясняла ему комиссия, – понятия у нас несовместимые».

Первое испытание полёта деревня не хотела замечать, и это было логично. Но отсутствие единомышленника Джордано испытателя настрожило. «Где ты, Джордано?! Где ты, дорогой Бруно!!?» – раздавалось по окрестности оглушительным зовом. На зов откликнулся сынишка соседа с варёным крылышком в руке. Смакуя ароматную кость, передал приглашение комиссии на совместную трапезу. Отведать вкусного и полезного куриного бульона.

У мельника опустили все крылья. Онемел. Опечалился. Желание летать навсегда пропало. Закрылся дома в одиночестве. Рыдал до самой ночи. Заснул под утро. Дивный сон посетил горемыку. Сон вещий. Будто бы прилетает убиенный Джордано и молвит человеческим голосом:

„Vynálezce si krátí dlouho chvíli a tráví volný čas s kohoutem!“ tak informovali někteří místní analyticky autoritativní organizaci. Blízký kontakt osamělého občana a vzájemné porozumění s drůbeží bez oficiálního povolení pohoršilo Nejvyššího. Rychle se shromáždila komise Vyšší instance. Účast přijali: Vážený člověk, bez nároku na tvař; Odpovědný koordinátor posvátných zákonů do budoucna; a také Zasloužilý veterinář.

Mlynářského podivína pozvali na pohovor. Slova se ujal člověk beze jména. Začal upřímně, nenuceně, ale ne docela. Potom pokračoval převelice moudře něžným hláskem: „Jak to žijete? Práce vám není na obtíž?“

„Vzácná nemoc zoofilie se v rodině nevyskytovala? Ornitóza vás netrápila?“ doptával se veterinář. Koordinátor navrhoval svěřit se, dokud není pozdě. Upřímný mladík okamžitě vyložil karty na stůl: opěvoval sen o volném, širokém nebi, o aerodynamice křídla, rozvykládal se o nebývale chytrém kohoutovi – inspirátorovi jeho prvního letu. Do protokolu schůze zanesli: „Myšlenky líčil zvučně poeticky, ve stylu pozdního Homéra, ale ne k věci.“

„E..., E...“ zavrtěl hlavou zasloužilý doktor, „tady to zavání diagnózou.“ Budoucího letce v oblacích požádali, aby se vzdálil. Komise později vynesla rozsudek, to se ví, že důvěrný. Verdikt zněl: „Zbavit posedlého létáním subjektu jeho inspirace.“ Vlastník Giordana narážku pochopil. Dělal drahoty poměrně krátce.

„Kohout a inspirace,“ vysvětlovala mu komise, „to nejde k sobě.“

Vesnice zkrátka nechtěla vidět první pokus o let a bylo to logické. Avšak nepřítomnost spojence přivedla mladíka do rozpaků.

„Kde jsi, Giordano?! Kde jsi, drahý Bruno?“ Křičel po okolí. Na křik se ozval sousedovic synáček s uvařeným křidélkem v ruce. Vychutnává si aromatickou kost, jménem komise ho pozval ke společnému stolu. Ochutnat lahodný a dobrý slepičí vývar.

Mlynářovi spadla brada. Oněměl. Zesmutněl. Přání létat bylo navždy ztraceno. Zavřel se sám doma. Probrečel celou noc. Usnul až nad ránem. Ubožáko- vi se zjevil zvláštní sen. Sen jako živý. Jakoby přilétal ubohý Giordano a mluvil lidským hlasem:

– Не плачь, добрый человек. Снесу тебе на радость яйцо, да непростое, а золотое. Дабы мечта полёта твоя не угасла. Ибо яичко это – квинтэссенция великого разума и одухотворённого стремления – грезить назло соседям. Съешь золотой продукт теперь, на моих глазах, не раздумывая. Поторопись, там снизу на скорлупе мелким шрифтом обозначен срок годности – до утра.

– Ты шутишь, – удивился спящий и недоуменно продолжил. – Ведь у тебя по определению отсутствует репродуктивная функция?

– Эх, – вздохнула птица, – куриная твоя голова! Как и все измеряешь жизнь доморощенными стереотипами. Воззри с другой перспективы. Прикинь с высоты интроспективной трансценденции, секулярных перцепций. В конце концов думай интерференциальными экстраполяциями.

– Да, – кивнул мельник, но засомневался. – А то, что яйцо уже просроченное – нестрашно? – Осторожно приняхался и поморщился. – Золото какое-то подозрительно зеленоватое.

– А ты, оказывается, ипохондрический дальтоник, – покачал гребешком петушок. – Ешь быстрее, время идёт. Я, Джордано, плохого тебе не посоветую.

Каждый идиот знает, что конец срока годности, ещё не конец света. Иначе бы все бомжи вымерли, а супермаркеты разорились.

«Эх, была не была!» – махнул рукой спящий мельник. И хотя сырой белок на голодной желудок вызвал лёгкое возмущение кишечника, квинтэссенция познания сделала своё дело.

Вдруг категории гиперглобального обуяли голову потребителя яйца. Роем заполонили полушария. Икво-нейроны колобродили и колбасили лобные доли. Непокколебимая уверенность в завтрашнем дне стимулировала вялый гипофиз. Человек проснулся обновлённым. Обуреваемый редким умом.

Первое, что сделал, запер крепко-накрепко ворота приёмки зерновых. На мольбу клиентов: «А как же мука?» отвечал коротко и ясно: «Я теперь, люди добрые, интеллектом молоть буду». Навсегда и безоговорочно. В ту же минуту люди добрые поняли в какую субстанцию всей деревней вступили с комиссией во главе. Дисфункция местного предприятия переработки злаковых спровоцировала нешуточный кризис в регионе. Подводья, набитые немолотым зерном и голодными мужиками, со всей области толпились у запертых ворот. Социальное кипение масс достигло точки невозврата. Алчущие толпы требовали либо хлеба, либо зрелищ.

„Neplač, dobrý pane. Snesu ti pro radost vejce, ne ledajaké, ale zlaté. Jen aby tvůj sen o létání mohl pokračovat. Neboť vajíčko toto je kvintesence velikého umu a oduševnělé touhy – oddávat se snění, jako na potvoru soušedům. Sněž zlatou potravinu teď, před mýma očima, bez přemýšlení. Pošpěš si, je tam dole malým písmem napsáno datum spotřeby – do rána.“

„Děláš si legraci?“ podivil se spící mlynář a nechápavě se zeptal: „Ale tvoje pohlaví přece není předurčeno k reprodukční funkci?“

„Ach,“ povzdechl si opeřenec. „Máš to slepičí mozek! Jako všichni měříš život otřepanými stereotypy. Podívej se na to z jiné perspektivy. Vzezři z výšek introspektivních transcendencí, sekulárních percpací. Nakonec přemýšlej interferenčními extrapolacemi.“

„Dobrá,“ kývnul mlynář, ale pak se zarazil. „A to, že je vejce zkažené, nevadí?“ Opatrně k němu přičichnul a otřepal se. „Zlato je podezřele nazelenalé.“

„A ty jsi, jak se zdá, hypochondrický barvoslepec,“ zatřepal hřebínkem na hlavě kohout. „Jez rychleji, čas letí. Já, Giordano, bych ti nic špatného neporadil.“

Každý idiot ví, že konec data spotřeby ještě neznamená konec světa. Jinak by všichni bezdomovci umřeli hladem a supermarkety přišly na buben.

„Zkažené nezkažené,“ mávnul rukou spící mlynář. A i když syrový bílek na prázdný žaludek vyvolal menší střevní potíže, kvintesence poznání vykonala svoje.

Najednou kategorie hyperglobálního charakteru zachvátily konzumentovu mysl. Hemisféry se zaplnily po okraj. IQ neurony křížovaly a trápily mozkové laloky. Neochvějně přesvědčení v zítřejším dnu stimulovalo ochablou hypofýzu. Člověk se probudil jako nový. Uchvácen vzácným rozumem.

První, co udělal, pevně zavřel vrata, kde se přijímalo obilí. Na žádosti zákazníků: „A co bude s moukou?“ odpovídal krátce a jasně: „Já nyní, dobří lidé, budu mlít intelektem.“ Navždy a bezpodmínečně. V tu chvíli dobří lidé pochopili, do jaké šlamastiky se celá vesnice dostala, v čele s komisí. Dysfunkce místního podniku na zpracování obilnin vyvolala vážnou krizi v regionu. Povozy přeplněné nemletým obilím a hladovými krky z celého okolí se hromadily u zavřené brány. Společenský rozruch hladových mas dosáhl kritického bodu. Vyprahlé davy požadovaly chléb nebo hry.

Комиссия появилась незамедлительно. Энергично возглавила необратимый процесс. Проблема отделения зёрен от плевел тремя членами была решена заранее.

Основную ответственность возложили на виновника «торжества». Петух шёл по Гамбургскому счёту. Вопрос поставили ребром: «Мельник, кто он? Демон или кудесник?» Для окружающих сомнений не было. И то, и другое в одном лице. Тут же посыпались советы по выбору меры пресечения. Ветхозаветное предложение замуровать или отправить на костёр не убедило координатора.

«Мученики казне района дорого обходятся,» – высказывался человек без лица.

Ветеринар добавил: «За что же замуровывать? Чудес-то он специально не совершал».

Местные возмутились: «Как это не совершал? А 50 % скидки на количество мешков в разгар сезона? Это что вам, не чудо?»

Аргумент занесли в протокол как веский. Время шло. Как говорится, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Долгое противостояние раздражало всех помаленьку, но до глубины души. Комиссию чуть не убили только за то, что настаивала пойти к соседнему муки дел мастеру, у которого процесс помолки стоит на две кроны дороже. Никто не ведает, что было бы дальше, если бы створки заветных ворот водяной мельницы не распахнулись. И не появился бы хозяин на чаше распределительных весов. Весь в белом, в модных сапогах со шпорами, держа книгу над головой, в золотом переплёте. Объявившийся провозгласил чётко и ясно: «Земляки, несу вам и всему человечеству свой рукописный труд!» Амфитеатр глаз застыл в ожидании благой вести. Голос разума продолжал: «Труд озаглавлен мной. Ограниченно структурированное мышление демоса в жерновах архитипических конструкций». Бесконечная пауза парализовала и флору, и фауну, и остальных. Народ безмолвствовал. Некоторые задремали. И если бы не комиссия, во время нашедшая компромисс между народом и золотым фолиантом, даже Джордано Бруно не позавидовал бы дальнейшей судьбе мукомола в модных шпорах. Выход из положения был прост и гениален. Дух мудрости возобладал. Во-первых, то, что касается книги: «Структурированное квазисознание и так далее»

– Дарёному коню в зубы не смотрят, – подметил ветеринар. Массы понимающе выдохнули.

Komise se dostavila jak by smet. Rázně se postavila do čela neodvratného procesu. Tříčlenná komise problém oddělení zrn od plev už vyřešila dopředu.

Hlavní odpovědnost svalili na viníka „podívané“. S kohoutem naložili podle jiné filozofie. Položili si otázku na tělo: „Co je mlynář zač? Démon nebo Mág?“ Přihlízející lid nepochyboval. Dva v jednom. Hrnuly se rady, jaký ortel zvolit. Ne příliš moderní způsoby, zazdít nebo upálit, koordinátora nepřesvědčily.

„Mučedníci přijdou městskou kasu na pořádný balík,“ vyslovil se člověk beze jména.

Veterinář dodal: „Za co zazdít? Nekonal přeci zázraky naschvál.“

Místní se ohradili: „Jak jako nekonal? A 50% sleva na pytle s moukou uprostřed sezóny? To není podle vás zázrak?“

Argument byl zanesen do protokolu jako pádný. Čas plynul. Jak se říká, pěkně se to povídá, ale skutek utek.

Dlouhé vzdorování všechny krapet trápilo, leč do hloubi duše. Komisi skoro přizabíli, už jenom kvůli tomu, že trvala na tom, aby šli k sousednímu mlynářskému mistru, u kterého pomletí přijde o dvě koruny dráž. Nikdo neví, co by bylo dál, kdyby se vrata od mlýna neotevřela. A kdyby se býval neobjevil jeho pán stojící na plošině váhy. Celý v bílém v módních holínkách s ostruhami držel nad hlavou knihu ve zlatém obalu. Objevil se, stručně a jasně prohlásil: „Krajané, nesu vám i celému lidstvu své rukopisné dílo.“ Amfiteátr pohledů ztuhl v očekávání dobrých zpráv. Hlas rozumu pokračoval: „Dílo pojmenované mnou. Ohraničeně strukturované myšlení národa v mlýnských kamenech archaických konstrukcí.“ Nekonečná pauza ohromila faunu i flóru i všechny ostatní. Lid setrval v mlčení. Někteří si i zdřímli. A kdyby nebylo komise, která včas našla kompromis mezi lidem a zlatým foliantem, samotný Giordano Bruno by nezáviděl mlynáři v módních holínkách jeho osud. Řešení situace bylo prosté a geniální. Duch moudrosti zvítězil. Co se knihy týče: „Strukturované pseudomyšlení a tak dále...“

„Darovanému koni se na zuby nehledí,“ podotknul veterinář. Masy s pochopením vydechnuly.

– Философию произведения обсудим всем миром в Доме культуры, – настаивал мельник.

И это приняли молча:

– Буфет обеспечим: бутерброды даром, напитки за свои, – предложил безликий общественник.

Одобрили редкими аплодисментами и меткой нецензурной речью.

«По исполнению всех обязательств статус-кво на селе восстановится», – обещал координатор. Протокол закрыли общим согласием. Дом культуры не спал несколько дней и ночей. Все заинтересованные стороны честно проанализировали «рукописное творение», глава за главой. Можно сказать от корки до корки, все 2451 страницу чистого текста без картинок. По окончанию предприятия расходились в тишине и покое. Каждый оценил прочитанное по-своему, по мере своего полёта.

Комиссия констатировала, что удалось опустить блудного сына на землю, без медикаментозного вмешательства. Мельник восторженно думал, что осуществил свою заветную мечту – увидеть жизнь с высоты иной перспективы. А главное, поведать о том миру.

Жители окрестных деревень, надломленные непомерным чтивом, согласились единодушно: «Не по-людски мельник за птицу отомстил!!!»

Посвящается обитателям кафе «Ромашка»

„Filosofii díla projednáme společně v Domě kultury,“ trval na svém mlynář.

A toto přijali bez námitek:

„Občerstvení zajistíme: chlebičky zdarma, pití za svoje,“ navrhnul beztvářý veřejný činitel.

Bylo odsouhlaseno vlažným potleskem a trefnými necenzurními nadávkami.

„Při vyplnění těchto závazků se status quo ve vesnici zase obnoví,“ sliboval koordinátor. Protokol byl uzavřen společnou dohodou. Dům kultury nespál několik dní a nocí. Všechny zúčastněné strany poctivě proanalyzovaly „rukopisné dílo“ kapitolu za kapitolou. Dá se říct od A do Z, všech 2 451 stran čistého textu bez obrázků. Po skončení akce se rozcházel v tichosti a pokoji. Každý ocenil čtivo po svém, podle svých možností.

Komise konstatovala: „Podařilo se usměrnit marnotratného syna, bez lékařského zákroku.“ Nadšený mlynář se domníval, že se mu splnil jeho tajný sen – vidět svět z jiné perspektivy. A především, povědět o tom světu.

Obyvatelé okolních vesnic nalomeni neúměrným čtivem jednomyslně souhlasili: „Nelidsky se jim člověk pomstil za opeřence.“

Věnováno štamgastům cafe Romaška

